

**БРАЙЕН
ЛЕЙН**

**ЧЕЛОВЕК
ПРЕСТУПНЫЙ**

КЛАССИКА
КРИМИНАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

**ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ПЫТОК
И КАЗНЕЙ**

Брайен Лейн
Энциклопедия пыток и казней
Серия «Человек преступный.
Классика криминальной психологии»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34739319

Брайен Лейн. Энциклопедия пыток и казней: Алгоритм; Москва; 2018

ISBN 978-5-906995-58-2

Аннотация

Из этой книги вы узнаете:

Как создавались гильотина и электрический стул?

В каких странах до сих пор разрешены пытки?

Что такое колыбель Иуды и колесование?

Жертвоприношение, распятие, сожжение у столба, клеймение, ошпаривание насмерть, японские способы наказания, знаменитые мучители и великие палачи – это и многое другое вы найдете на страницах книги. Вас ждет самое подробное и объективное исследование человеческой жестокости.

Содержание

Предисловие	5
Благодарности	10
Введение	14
Пытка или наказание	17
Психология пытки	22
История пытки	25
Охота на ведьм	35
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Брайен Лейн

Энциклопедия

ПЫТОК И КАЗНЕЙ

© Брайен Лейн, 2018

© Перевод. А. Фельдшеров, 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Предисловие

Эта книга – не учебник для рэкетиров и не пособие для политических партий, стремящихся к власти и обещающих быстро и легко решить все проблемы. Прежде всего это книга о человеке, о нас с вами.

Сколько существует преступление, столько же существует и наказание. Два этих понятия тесно связаны друг с другом, первое из них влечет за собой (должно влечь) второе. Вся история человечества – это борьба, бесконечный спор о соответствии преступлению наказания. Какие только меры не предусматривались! Это и принцип талиона (зуб за зуб, око за око), и смертная казнь (вспомним хотя бы «драконовские законы» 621 г. до н. э.), и разнообразные пытки. О некоторых из них и пойдет речь в этой книге.

В основе всех этих наказаний одно – попытка разжечь чувство страха, испуга. Отсюда появление изощренных действий. К описанным в книге наказаниям хотелось бы добавить следующие случаи наказания.

Особенно жестокие и изощренные издевательства сопровождали классовые конфликты. После подавления восстания «Жакерия» во Франции в 1358 году его руководитель Гильом Каль был перед казнью «коронован» раскаленным железным треножником. Еще более страшной расправе был подвергнут руководитель крестьянского восстания в Вен-

грии в 1514 году Дьердь Дож. Взятого в плен, его посадили на раскаленный трон и короновали раскаленной короной. Справедливости ради надо отметить, что восставшие тоже не особенно церемонились с бывшими господами. Так, во время крестьянской войны в Германии весной 1525 года по приказу одного из крестьянских вожаков Якова Рорбаха вюртембергский фогт граф Людвиг фон Гельфенштейн и 13 его сторонников были осуждены на позорную казнь – прогон сквозь пики.

Широчайшее применение находили разнообразны пытки. Сопровождали они не только гражданские, но и религиозные войны. Вот как описывает в своем романе «Симплициссимус» (1668 г.) Ганс Якоб Кристоф Гриммельсгаузен разграбление деревни во время Тридцатилетней войны 1618–1648 годов:

«А работника солдаты связали и положили на землю, всунули ему в рот деревянную пялю да влили ему в глотку полный подойник гнусной навозной жижи, кою называли они „шведский напиток“, что, однако ж, не пришлось ему по вкусу и произвело на лице его удивительные корчи. Через то принудили они его свести некоторых из них в иное место, где взяли людей и скот и пригнали на наш двор... Тут стали они отвинчивать кремни от пистолетов и на их место ввертывать пальцы мужиков и так пытать бедняг, как если бы хотели сжечь ведьму, понеже одного из тех пойманных мужиков уже засовали в печь и развели под ним огонь, хотя он им еще ни

в чем не признавался. Другому обвязали голову веревкой и так зачали крутить палкой ту веревку, что у него изо рта, носа и ушей кровь захлестала. Одним словом, у каждого из них была своя хитрость, как мучить крестьян, и каждый мужик имел свою отличную от других муку... Отца моего они связали по рукам и ногам так, что он не мог пошевелиться, посадили к огню и натерли ему подошвы мокрой солью, а наша старая коза ее тотчас же слизывала, через что происходило щекотание, так что он, казалось, мог лопнуть со смеху»¹.

Многочисленные факты взаимной жестокости сопровождают революции.

Проникновение европейцев в страны Востока обогатило приемы пыток и казни. Широкое распространение здесь получила казнь, когда связанного человека бросали умирать от голода и жажды на растерзание диким зверям. Вспомним хотя бы широкоизвестный эпизод из фильма В. Мотыля «Белое солнце пустыни». Разнообразные пытки и казни применялись при подавлении антиколониальных восстаний, особенно англичанами в Индии. Повстанцев топтали слонами, привязывали к пушкам и ядрами разрывали на части. Специфически восточной казнью была следующая: крепко связанного человека клали на росток бамбука и оставляли. Бамбук, вырастающий на 3–5 см в день, пронзал человека насквозь.

Поскольку книга Брайена Лейна посвящена главным образом наказаниям в Западной Европе, хотелось бы несколь-

¹ Гриммельсгаузен Г.Я.К., Симплициссимус, М., 1976, с. 36.

ко слов сказать о России.

Для подавления народных выступлений, наказания преступников в России использовались разнообразные пытки и казни. Были среди них и специфические, например, подвешивание ребром за крюк. Мучения осужденного в этом случае могли длиться очень долго; порой казнимые умирали от жажды. К женщинам вместо этого вида казни нередко применялся иной, не менее страшный. В русских летописях начала XVII века есть рассказы о том, как женщинам прорезали груди и, продев в раны веревки, подвешивали на перекладинах. (Подобные случаи отмечены в Ираке в 1980-х годах.)

При подавлении народных восстаний часто применялись виселицы на плоту, которые пускались по течению реки. Подобные случаи отмечены при подавлении крестьянских войн Степана Разина и Емельяна Пугачева.

Еще одним широкораспространенным способом наказания было забивание палками. Наказание гибкими прутьями из лозняка – шпицрутенами – применялось в России с 1701 по 1863 годы. Называлось это «прогнать сквозь строй». После подавления восстания декабристов многих солдат, участников восстания приговорили к 8-12 тысячам ударов, что означало верную смерть, только куда более мучительную, чем расстрел или повешение.

Двадцатый век, усовершенствование техники создали новые приемы пыток и казней людей. Для умерщвления и издевательства стали применяться электричество, газы, кисло-

ты. Не изменилось только одно:

Жестокость наказания никогда и нигде не способствовала снижению уровня преступности.

Жестокость вызывала ответную жестокость.

Значение книги Брайена Лейна в том, что описание наказания с древности до наших дней вызывает желание запрета пыток и отмены смертной казни.

Появление и расширение такого движения – вот чем отличается наше время от всех остальных периодов развития общества.

Полное запрещение пыток, отмена смертной казни должны стать основной целью человечества в грядущем тысячелетии. Опыт показывает, что отмена смертной казни, замена ее пожизненным заключением, например, спасает жизни невиновным (в случае судебной ошибки) и гораздо более эффективно воздействует на преступников, многие из которых не выдерживают наказания жизнью.

К сожалению, в нашей стране все еще применяются пытки, сохраняется смертная казнь, но очень хочется надеяться, что вскоре этому будет положен конец.

Тогда данная энциклопедия будет использоваться по назначению – как историческое пособие, рассказывающее еще об одной победе человека, победе над самим собой.

Красильников И.Б.

Благодарности

Энциклопедические работы, подобные этой, скорее составляются, нежели пишутся. Энциклопедия – это подборка фактов, эпизодов и суждений, тщательно проверенных, проанализированных и упорядоченных таким образом, чтобы получилась интересная и познавательная книга. Конечно же, многие люди внесли свою лепту в написание этого исследования, и вправду сказано, что один ум – хорошо, а два – лучше. Здесь невозможно отдать должное всем тем, кто помог мне в работе, но я буду ссылаться на них в дальнейшем. В моем распоряжении имелись работы, написанные более ранними исследователями проблемы преступления и наказания. Их книги оказали мне неоценимую помощь в подборе материала, впрочем, как и их ссылки на своих предшественников, и хотя каждая такая ссылка нуждалась в серьезной проверке, я был избавлен от многих часов утомительных поисков. Одно из самых интересных исследований – книга Эрнста Петтифера «Наказание в дни былые» (Punishment of Former Days). Хотя она повествует только о британских методах ведения следствия и отправления правосудия, автор, прослуживший многие годы секретарем суда в Вест-Райдинге (графство Йоркшир), дает яркую и исчерпывающую картину английского судопроизводства. Неоценимую помощь оказала мне трилогия члена зоологического и философского

королевских обществ Джорджа Райли Скотта «История телесных наказаний» (History of Corporal Punishment), «Многовековая история пытки» (History of Torture Throughout the Ages) и «История смертной казни» (History of Capital Punishment). Интересно было прочесть на первой странице, что книга предназначалась для продажи только «врачам, юристам, антропологам, психологам, социологам и криминалистам», дабы уберечь предшествующие поколения от случайной встречи с каким-нибудь нынешним садомазохистом. Забавно и то, что автор этих строк, будучи юношей, видел эту книгу на пыльной витрине одного из тех магазинчиков, в которых когда-то продавались грыжевые бандажи и противозачаточные средства. В книге Джона Свейна «Прелести камеры пыток» (Pleasures of the Torture Chamber) я нашел несколько темных ссылок, проверка которых доставила мне истинное удовольствие как исследователю, а «Наказание в прошлые века» (Bygone Punishment) Уильяма Эндрюса может считаться классической в данной области. Эти и другие книги стали для меня источником знания и вдохновения, когда я писал свое собственное сочинение, которое, надеюсь, также окажется небесполезным для будущих исследователей этой проблемы.

Большинство книг, с которыми я работал, уже давно не переиздаются и могут быть найдены только в библиотеке, поэтому хочу еще раз выразить мою благодарность за неизменную любезность и компетентность сотрудникам читального

зала Британского Музея. Я также искренне благодарен моему товарищу Уилфреду Греггу, в чьей несравненной библиотеке, вобравшей в себя множество невыдуманных криминальных историй, я чувствовал себя более чем уютно. После прочтения этой книги читателю станет понятно, что мне пришлось иметь дело не только с далеким и недалеким прошлым, но и с неприглядным настоящим, и моим знанием сегодняшнего состояния дел в том, что касается пыток и бесчеловечного обращения, я во многом обязан докладам Международной амнистии и ООН, не жалеющим усилий на борьбу с этим злом.

Методы истязаний и орудия пыток взяты мною в основном из «готического» исторического периода всевластия инквизиции и охоты на ведьм, а также из чудовищно кровавой истории Древнего Рима и других античных цивилизаций. Значительная часть материала почерпнута мною из собственного архива, однако в тех случаях, когда у меня не оказывалось годной для воспроизведения иллюстрации, мне неизменно помогал Мо Тинджи, чьи впечатляющие графические реконструкции орудий казни и пыток могут сказать больше, чем все мои слова.

И, наконец, но не в последнюю очередь, хотелось бы выразить глубокую благодарность Салли Холлоуэй из «Верджин Пабблишинг», оказавшей мне огромную помощь в разработке оригинальной концепции этой книги и чьи энтузиазм и поддержка сделали для меня возможным воплотить эту кон-

ЦЕПЦИЮ В ЖИЗНЬ.

Брайен Лейн
Лондон, 1993

Введение

Эта книга – исследование человеческой жестокости, жестокости, зачастую непостижимо чудовищной и творимой не просто одним человеком по отношению к другому, а целыми нациями по отношению к собственным представителям и к представителям других наций. Эту книгу можно рассматривать как обвинение конкретным мучителям рода человеческого, которые систематически вводили в общественную практику причинение боли как средство наказания или принуждения. Всевозможные угнетатели и истязатели всегда и разными путями стремились оправдать применение пыток, иногда представляя их как акт возмездия, а иногда как необходимое средство заставить других изменить их политические или религиозные воззрения. Пытку применяли также для того, чтобы принудить жертву расстаться со своей собственностью, вытянуть из нее необходимые сведения или заставить признаться в совершенных и несовершенных преступлениях.

Применение пыток известно фактически во всех культурах, у всех народов мира и всегда рассматривалось как преступление, убившее претензии человечества на цивилизованность. Отнюдь не будучи пережитком Средних веков, ответом готического мироощущения и орудием страха, выброшенным на свалку истории изошренной в вопросах мо-

рали общественностью, пытка до сих пор используется как легальный инструмент судебного и политического террора более чем в шестидесяти странах мира.

Цель данного исследования, каким бы несомненно скорбным ни казался его предмет, – представить информацию, жизненно необходимую для понимания социальной истории и тайн человеческой природы, ибо за те годы, пока я рылся во всех этих леденящих кровь документах прошлого и настоящего, я с горечью осознал, что наказание и даже пытка являются неотъемлемой частью человеческого существования. Несомненно, найдутся такие, кто предпочел бы оставить все так, как есть, и не ворошить неприглядное прошлое. Более того, найдутся и такие, кто сам, придерживаясь страусовой политики, попытается оспаривать право других безбоязненно и беспристрастно изучать темные закоулки истории. Эти люди воображают, что, отворачиваясь от пугающей и нелюбимой действительности, они автоматически обретают моральное превосходство над другими. На самом деле все как раз наоборот. Игнорирование этой проблемы не только не несет перемен к лучшему, но и играет на руку палачам, усматривающим в этом замалчивании одобрение своих методов.

Я уверен, что Питер Бененсон, доблестный основатель «Общества Справедливости», не станет возражать, если я процитирую несколько слов из его предисловия к «Гангрене» – монографии, посвященной легальному применению

пытках в Алжире и Кении в конце 50-х годов этого века (Джон Колдер, 1959):

«Эта книга повествует о жестоком обращении с заключенными. Она содержит отрывки, которые могут вызвать у читателя отвращение, приступ тошноты и справедливое негодование. Некоторые из них будут возмущены людьми, которые, как утверждается в книге, подвергают своих соплеменников такому зверскому обращению; других же возмутит тот факт, что подобные утверждения имеют целью, используя печатное слово, очернить государственных деятелей, вынужденных прибегать к неприглядным методам в периоды напряженности в обществе; но более всего будут исполнены негодования те, кто вообще не читал книги, а всецело полагается на чужие, зачастую предвзятые суждения о ней».

Пытка или наказание

«Но эти законы обнародованы для того, чтобы из страха перед ними люди сдерживали свою греховную злобность. Так будут защищены те, кто преисполнен чистыми помыслами; тех же, чья душа подвержена злобе, будет удерживать от нечестивых поступков страх перед наказанием».

Хотя эти принципы были закреплены в Тевтонском писаном своде законов ни много ни мало в VIII веке (*Lex Baiuvariorum*), они остаются неизменными и для современного подхода к проблеме преступления и наказания, а также стали общепринятыми международными стандартами. И на самом деле я вряд ли ошибусь, если скажу, что человеческое поведение определяется по большей мере ожиданием последующего вознаграждения или наказания за тот или иной поступок. Одаривая похвалой послушного ребенка и наказывая непослушного, мы прививаем им должное уважение к общепринятым этическим нормам, и можно быть уверенным в том, что распространение этого принципа на взрослую жизнь обеспечивает социальную стабильность в обществе. В этом случае вознаграждение и возмездие приобретают двоякий практическо-психологический смысл. Законопослушный гражданин, как правило, становится надежным партнером в делах, хорошим супругом, любящим родителем, уважаемым соседом и таким образом получает вознаграждение

в материальном и эмоциональном выражении; негодяй вызывает только общественное неодобрение и, в конце концов, потеряв уважение сограждан, теряет и средства к существованию, свободу, а иногда даже жизнь.

Однако ясно, что только в том случае, если преступник несет соизмеримое со своим преступлением наказание, оно может удержать его в дальнейшем от повторного правонарушения. Именно в этом кроется ответ на основной вопрос дискуссии о том, что такое наказание и когда оно становится «бесчеловечным обращением» или «пыткой». Наказание должно всегда соответствовать тяжести совершенного преступления и быть умеренным при наличии смягчающих вину обстоятельств. Относительно недавно, в начале XIX века, в Англии смертная казнь полагалась за 222 вида преступлений. Мужчины, женщины и даже дети, часто жившие в невыносимых условиях, могли быть казнены за незначительное преступление, такое как, например, кража овцы; и тем не менее преступность росла. В дни проведения публичных казней толпа, собиравшаяся вокруг виселицы, чтобы поглазеть на это зрелище, по иронии судьбы становилась легкой добычей для воров-карманников, которые, будучи пойманы на месте преступления, становились главными действующими лицами следующего жуткого спектакля.

Однако принцип соизмеримости преступления и наказания вообще не применим к тем случаям, когда наказание, будучи особенно бесчеловечным и жестоким, выходит за рам-

ки действующего законодательства или когда боль причиняется на совершенно незаконном основании, например для того, чтобы заставить человека или группу людей отказаться от своих политических или религиозных убеждений, или для того, чтобы принудить жертву сообщить какие-то сведения. Однако понятия «наказание» и «пытка» подвержены широкому толкованию, и толкование это бывает зачастую крайне субъективным. Наказание, которое в менее цивилизованных странах принято считать допустимым и вполне оправданным, в других странах воспринимается как чрезмерно жестокое; лучше всего это видно на примере того, как мы, жители Запада, с ужасом взираем на мусульманские религиозные наказания, предусмотренные шариатом, когда на законном основании вора́м отрубают руки и ноги, а повинных в супружеской измене женщин до смерти забивают камнями. Конечно, эти отличия в оценке меры наказания покажутся не такими разительными, если мы вспомним древние цивилизации. Римляне, например, в ранний период своей истории славились своей изощренностью в изобретении новых, необычных методов наказания и безжалостностью в применении их на практике. Впрочем, лишения, страдания и кровь были для них делом обычным, в особенности для рабов, поэтому с таким зверским упоением граждане Рима следили со скамей Римского амфитеатра за кровавыми гладиаторскими боями. В наше время некоторые районы на юге США, в особенности сельские, отмечены ужасающей бедно-

стью и тяжелыми условиями жизни населения. Преступления, связанные с физическим насилием, совершаются здесь гораздо чаще, чем в других районах страны, и до сих пор еще полностью не искоренен позорный суд Линча. Не удивительно поэтому, что Техас стоит на первом в США месте по количеству совершаемых убийств и далеко опередил другие штаты по количеству приводимых ежегодно в исполнение смертных приговоров, причем не так уж редко приговоренный умирает мучительной смертью (см. электрический стул, газовая камера, смертельная инъекция).

Даже после недолгого размышления становится очевидным, что определение понятия «пытка» – дело очень трудное, поскольку каждый руководствуется при этом своим собственным представлением о ней и избежать субъективных оценок представляется невозможным. Если бы пытка была достоянием прошлого, можно было бы со спокойной душой предоставить анализ этого понятия историкам, но она продолжает и сейчас оставаться реальной угрозой жизни и здоровью людей во многих странах современного мира. Для того, чтобы оценить масштабы проблемы и способы ее разрешения, следует отличать наказание как инструмент возмездия и устрашения от действий, которые могут быть расценены не иначе, как «пытка» или «жестокое обращение». Только в 1975 г. Организация Объединенных Наций предприняла попытку дать правовое определение понятию «пытка», и это определение вошло в статью I Декларации ООН, направ-

ленной против пыток. Соответствующий пункт гласит:

«В соответствии с целями данной Декларации понятие „пытка“ определяется как действие, осуществляемое должностным лицом или по его указанию по отношению к некоему лицу, при котором причиняются боль и жестокие страдания, как физические, так и психические, в целях получения от него или третьего лица информации, признания; наказания его за совершенное деяние; или в целях запугивания его или других лиц».

Эта книга, кроме всего прочего, имеет целью проиллюстрировать то, насколько точным является это определение как в историческом, так и в современном плане.

Психология пытки

Начиная с чудовищных беззаконий, которые чинил император Нерон по отношению к только что появившимся и являвшимся в основе своей пассивными христианам, вплоть до нашего времени, когда нестабильные военные и гражданские режимы продолжают угнетать свои народы по всему миру, оправданием использованию репрессивных методов служило и служит одно – необходимость сохранения существующего положения в обществе – «стасус кво» (status quo). Хотя вопрос, кто нуждается в защите и от кого, в большинстве случаев бывает спорным и решается чисто субъективно, сохранение незыблемости существующего порядка является естественной, неотъемлемой, более того, обязательной функцией любого правительства. Общество имеет право и обязано выразить свою тревогу всякий раз, когда использование репрессивных методов воздействия выходит далеко за рамки мер, необходимых для отправления этой функции, и превращается в «бесчеловечное обращение» или «пытку», когда смешиваются понятия «справедливого возмездия» и «мести», когда законные действия правительства, направленные на обеспечение национальной безопасности, подменяются попытками подавления политических свобод или когда религиозный пыл одной конфессии перерастает в действия, направленные против другой.

Нам следует быть особенно тщательными в оценке того, что касается психологических мотивов «диктатора», ибо, несмотря на все его заверения в приверженности абстрактным идеям свободы и справедливости, он в скором времени проявляет себя в неприменном качестве гонителя этих фундаментальных прав человека. Он не действует в одиночку, и совершенно очевидно то, что любой режим, будь это современный африканский или латино-американский режим, возникший в результате военного переворота, или режим религиозного фанатизма XVII века в Англии, навязывает своим политическим, военным, судебным и религиозным властям, а также органам безопасности, в равной степени своекорыстные мотивы в проведении в жизнь тех или иных законов и в санкционировании определенного социального поведения. Например, невероятно, чтобы государственный палач занимался своим ремеслом из чисто человеколюбивых соображений отправления правосудия и восстановления справедливости; в большей мере он – оплачиваемый слуга государства, проводящий в жизнь его законы, которые зачастую не имеют ничего общего со справедливостью.

Хотя «История телесных наказаний» написана в прошлом веке, ее автор, Джордж Райли Скотт, приводит в этой книге ряд очень интересных аналогий:

«Если кто-то желает приблизиться к правде жизни настолько возможно ближе, ему следует немедленно отказаться от представления о том, что в этом мире существует в

чистом виде такое явление, как альтруизм. Благодеяние, совершаемое кем бы то ни было, бывает почти всегда случайным, и в каком-то смысле этот кто бы то ни был попросту не может не совершить его из каких-то прозаических соображений, далеких от соображений всеми восхваляемой, но, в сущности, вынужденной добродетели. Птицы, поедающие личинок, творят благо для крестьянина, но по прошествии времени крестьянин уже не вспоминает об их вспомоществовании во имя Всемогущего. Он возносит хвалы своим пернатым друзьям, но сразу, как только в землю брошены первые зерна, он выставляет на поле чучело, дабы отпугнуть своих недавних союзников, и если случается, что на неприкосновенную территорию залетает какой-нибудь дерзкий воробей-одиночка, крестьянин клянет его на чем свет стоит и тянется за ружьем. Кот убивает мышей, и найдутся такие, кто возьмется утверждать, что милостивый Господь создал этого зверя во благо человека и единственно с целью искоренения мышинового рода-племени. Однако с не меньшим удовольствием кот умерщвляет канареек и цыплят, а это уже вовсе не нравится птичьему владельцу. Точно так же основной поведенческий мотив подавляющего большинства мужчин и женщин, действующих, как им кажется, из благих намерений, не имеет ничего общего с декларируемыми целями, а любой достигнутый временный успех или не содействует достижению желаемой цели, или вовсе оборачивается своей противоположностью».

История пытки

Естественно, история пытки неотделима от общей истории человеческого рода. Часто утверждается, что по своей природе человек является самым жестоким животным. Как у историка и как у исследователя современной жизни, боюсь, у меня мало причин подвергать это утверждение сомнению. Воистину, собирая материал для этой книги, я убедился в том, что люди редко упускали возможность поизгаляться над своими собратьями.

Все началось с наших первобытных предков, когда у них возникла необходимость защитить свои уязвимые и непрочные социальные группы от соседних воинственных племен, наводя на последних страх. Жестокое обращение с пленниками, взятыми в результате межплеменных столкновений, должно было служить предостережением другим потенциальным врагам. Кроме того, жестокость в отношении чужаков сплачивала племя и связывала его членов узами общей ненависти. Именно по этой причине пленники вряд ли могли рассчитывать на легкую смерть, сначала им предстояло помучиться в назидание как врагам племени, так и его членам, а уже потом умереть. Эти пытки мало чем отличались от пыток, применяемых сегодня: нанесение увечий, пытка огнем, избивание палками и плетью, побивание камнями и т. д.

Внутри данной социальной группы преступники кара-

лись, по-видимому, не менее сурово, чем пленники. Их старались наказать так, чтобы совершать подобное впредь им было неповадно, а если же их приговаривали к смерти, то казнили каким-нибудь показательно-изуверским способом, чтобы неповадно было всем остальным. Казнь совершалась с церемониальными действиями, привлекала толпы народа и превращалась в зрелищное мероприятие, нередко окруженное праздничной атмосферой карнавала. И сегодня в Китае казнь считается зрелищным событием. В августе 1991 года тринадцать узников были подвергнуты публичному суду на главном стадионе города Куньмина, признаны виновными и тут же казнены на глазах 10 000 возбужденных зрителей. А чтобы мы не слишком обольщались на собственный счет и не смотрели свысока на «темных» жителей Востока, напомним, что в том же году телекомпания KQED из Сан-Франциско затеяла судебный процесс за право транслировать в прямом эфире очередную смертную казнь в тюрьме штата Калифорния.

Итак, если казнь призвана служить средством устрашения, то следует организовать это мероприятие так, чтобы его воочию увидели как можно больше людей. Как ни странно, многие из тех, кто ратует сегодня за отмену смертной казни, также выступают за публичную казнь, хотя из совершенно противоположных соображений, мотивируя свою позицию тем, что чем больше людей увидит этот позорный спектакль, тем больше появится у них сторонников. Однако история

показывает, что публичные казни на площадях городов, как это ни печально, только возбуждали кровожадность толпы и уж отнюдь не подвигали людей на борьбу за отмену смертной казни (см. «Хронологию смерти»).

Помимо смертной казни древними народами широко практиковалось языческое жертвоприношение, когда самым надежным способом умилостивить разгневанных богов считалось пролитие человеческой крови. Только один пример: человека, приносимого в жертву ацтекскому богу по имени Тецкатлипока, клали на спину вдоль жертвенного алтаря, и после того, как его связывали, верховный жрец одним движением вскрывал ему грудь и вынимал еще пульсировавшее сердце.

В данной связи не часто упоминают индейский обряд посвящения в мужчины, однако его следует также отнести к проявлениям жестокого и бесчеловечного обращения. Наиболее известен подобный обряд в том виде, как его совершают индейцы североамериканского племени манданов. Читатель, возможно, помнит его по фильму «Человек по имени Лошадь», в котором этот обряд приходится пройти белому юноше (его играет Ричард Харрис). В 1841 г. этот обряд был описан известным исследователем обычаев американских индейцев Джорджем Кэтлингом:

«Юноша, проходящий обряд посвящения, должен встать на колени и упереться руками в пол. Человек с обоюдоострым ножом в правой руке берет большим и указательным

пальцами левой руки как можно больше плоти плеча, насквозь протыкает ее и проворачивает нож в ране, стараясь сделать это как можно больнее. Затем он вынимает нож и уступает место другому индейцу с пучком заостренных палочек в левой руке, который тут же просовывает палочку в рану. То же они проделывают с другим плечом, с обеими руками ниже плеч и ниже локтей и с обеими ногами ниже колен. Затем с потолка спускаются веревки, которые держат находящиеся на крыше вигвама мужчины; веревки привязываются к палочкам, и тело юноши приподнимают над полом. Пока он висит таким образом в воздухе, рядом стоящие сородичи навешивают на него отныне принадлежащие ему щит, лук, колчан со стрелами и т. д.».

За малым исключением мотивы, методы и оправдание пыток оставались неизменными на протяжении тысячелетий, хотя кое-где мучители отличались особой жестокостью и изощренностью. Изуверские методы медленного умерщвления получили особенно широкое развитие у древних греков и римлян, и в этой книге читателю еще не раз встретятся ссылки на чрезвычайную изобретательность древних римлян во всем, что касалось казней и пыток.

Приход христианства, казалось бы, возвестил новую эру в отношениях между людьми, однако в действительности приверженцы учения Христа не отказались от извечной иудейской доктрины воздаяния (око за око...) и даже дополнили ее тем, чему успели научиться у своих римских гони-

телей. Костры, сжигавшие еретиков, стали олицетворением террора христианской церкви, оправдывавшей свои злодеяния строчками из Евангелия от Матфея (Глава 13, стих 41–42):

«Пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и творящих беззаконие. И ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов».

Под творящими беззаконие вскоре стали пониматься, конечно же, все, кто не очень строго придерживался догматов Римско-католической церкви, и, начав с малости, церковь распространила царство религиозной нетерпимости и террора на значительную часть земного шара. В историческом плане этот террор включает в себя крестовые походы (против другой нетерпимой веры – мусульманства), папскую инквизицию, испанскую инквизицию, охоту на ведьм, гонения на альбигойцев, вальденсов², протестантов и рыцарей-тамплиеров (храмовников)³.

Протестанты, в свою очередь, не преминули затеять гонения на католиков и квакеров. В Ирландии протестанты и католики столкнулись не на жизнь, а на смерть, и борьба эта продолжается и поныне. Ссылки на религиозные гонения встречаются в этой книге довольно часто, но в качестве иллю-

² Альбигойцы, вальденсы – члены еретических религиозных сект, возникших в XII веке на юге Франции.

³ Тамплиеры – члены рыцарского ордена, созданного в Иерусалиме в 1118 г. для защиты христианских пилигримов и Гроба Господня. (*Прим. переводчика.*)

люстрации немного ниже предлагается статья об одной кампании церковного террора – охоте на ведьм.

С усилением религиозных преследований по части проявления жестокости от церкви не отставали судебные и карательные институты, и по мере расширения Священной Римской империи и распространения в Европе и за ее пределами римских законов, кодифицированных императором Юстинианом, для ускорения расследования судебные власти все больше склонялись к применению пыток, а единожды, почувствовав к ним вкус, предпочитали их другим следственным методам вплоть до XVI, а кое-где и до XVII века. Обычной практикой во времена инквизиции было также перекладывание церковью исполнение вынесенных ею смертных приговоров на светские власти. Хотя инквизиция, в частности испанская, заслуженно пользовалась дурной славой из-за преследований еретиков и колдунов, справедливости ради следует отметить, что она не часто прибегала к каким-то необычным изощренным способам истязаний. Церковь не имела собственных мастеров заплечных дел и обычно прибегала к оплачиваемым услугам палачей, обслуживавших тюрьмы. Правда, инквизиция располагала собственными тюрьмами, называвшимися «тайными», в которых обвиняемый в ереси мог провести долгие годы в ожидании суда. Однако церковные власти не имели права казнить обвиненных в безбожии и приговоренных к смерти еретиков, сообразуясь с римско-католическим догматом, гласившим «Цер-

ковь не может быть запятнана кровью» (Ecclesia non povit sanguinem). После того, как церковные власти, прибегнув в той или иной степени к пытке, добивались признания обвиняемым своей вины, после того, как признание доводилось до Великого Инквизитора и Святого Престола, после того, как еретик подвергался аутодафе (*auto-da-fe* – *португ.* – акт веры), то есть суду святой инквизиции, и ему выносился смертный приговор, приведение этого приговора в исполнение (как правило, сожжение на костре) падало на плечи светских властей, которые из боязни быть обвиненными в симпатиях к еретикам не могли уклониться от этой незавидной обязанности.

* * *

По мере распространения пыток в их римском варианте по всей Европе Азия могла похвастаться впечатляющими инструментами жестокости собственного изобретения, хотя китайские, например, приспособления для пыток являлись в той или иной степени разновидностями западных образцов, таких как дыба или испанский сапог. Вот описание кия кьен (*kia quen*, что в переводе значит «башмак»):

«Для ног существует инструмент, называемый кия кьен, состоящий из трех деревянных дощечек, средняя из которых жестко закреплена в поперечном деревянном блоке, а две другие – свободны. Ступни ног жертвы помещаются по

обе стороны центральной дощечки и сжимаются боковыми до тех пор, пока не затрещат кости».

Там же широкое распространение имела канга (сродни европейскому позорному столбу), дощатая конструкция, в которой зажимались шея и руки осужденных за мелкие преступления, а также жестокая порка, известная на Западе как бастинадо и до сих пор применяемая в некоторых странах под названием фалака (falaqa). Кроме того, в Китае практиковалась смертная казнь, известная как смерть от тысячи надрезов (подобная казнь была в ходу и в Японии под названием смерть от двадцати одного надреза).

В Индии пытка применялась во все периоды ее истории, и как в других странах Азии; здешние методы истязания мало чем отличались от методов, применявшихся в Европе: бастинадо и другие виды порки, колодки, пытка огнем и водой, пытка раскаленным железом, дыба и т. д. Страшная пытка китте оказалась не чем иным, как гибридом китайской пытки кия кьен и европейских тисков: две деревянные дощечки помещались по обе стороны какого-нибудь чувствительного органа, как правило, уха, пальца, ступни или гениталий, и сжимались до тех пор, пока жертва не теряла сознание от непереносимой боли. Нередко повторная процедура заканчивалась смертью несчастного. Райли Скотт приводит отрывок из «Восточных мемуаров» Джеймса Форбса, опубликованных в 1813 г., в котором рассказывается о любопытном эпизоде, произошедшем в индийском городе Татта:

«Некий индус был сборщиком таможенных пошлин; имел семью, богатство, вес в обществе и положение при дворе. Чувствуя себя в полной безопасности и не ожидая ничего дурного, он был несказанно удивлен, когда в его дом нагрянул визирь с несколькими вооруженными людьми и потребовал у него его кровные денежки, которые хранились в тайнике и которые тот не отдал бы даже под страхом смерти. Чтобы вытянуть признание, сборщика пошлин подвергли разнообразным пыткам, применяя при этом различные приспособления. Одно из них являло собой платформу с туго натянутой на ней сеткой, прикрытой сверху вощенным ситцем. Под сеткой находилась доска, утыканная острыми шипами. Сборщика пошлин, тучного баньяна, заставили снять с себя джаму (муслиновый халат) и лечь на утыканное скрытыми шипами ложе. Длинные острые шипы лесной акации впились в тело жертвы так, что тот не мог пошевелиться, не причинив себе нестерпимой боли. Два дня и две ночи он переносил пытку, так и не раскрыв своей тайны, и его мучители, испугавшись, что он умрет, так и не сообщив им о местонахождении денег, решили прибегнуть к другой пытке. Когда жизнь уже едва теплилась в теле несчастного, его сняли с платформы и положили на пол, после чего вымогатели привели в комнату его единственного малолетнего сына и принесли мешок, в который предварительно поместили дикого кота. Они сунули ребенка в мешок, завязали его и расположились вокруг с бамбуковыми палками в руках, готовые на-

чать избиение кота, чтобы привести его в ярость и заставить убить ребенка. Этого отцовское сердце вынести уже не могло, и он отдал свои сокровища».

Охота на ведьм

Страх перед колдовством, будучи обыкновенной боязнью неизвестного, так же стар, как и само человечество. Уже в самых ранних летописях повествуется о злонамеренных и зловредных ведьмах, вступивших, как считалось, в сговор с дьяволом. Нашим далеким предкам нужно было как-то определиться в пугающем мире, в котором они жили; результатом стало одушевление и обожествление всевозможных необъяснимых явлений природы. Они верили в то, что небом и поднебесным миром управляют боги и духи и что для процветания и сушей безопасности общества необходимо строгое отправление ритуалов благодарения, призванных умилизовать могущественные силы. В конце концов, если не принести жертву солнцу, оно попросту обидится, и наступит утро, когда оно не пожелает взойти в положенное время со всеми вытекающими отсюда последствиями. Такова примитивная логика наших предков. Казалось неизбежным то, что найдутся люди, обуреваемые жадностью и злобой, которые захотят подчинить себе эти сверхъестественные силы, дабы использовать их в своих корыстных целях. И действительно, во многих изданиях колдовство определяется как «попытка подчинить природные явления (обычно с помощью злых духов) и использовать их в собственных интересах». Жажда познать неизведанное и выгодно использовать это знание

вполне объяснима, впрочем, как и страх и недоверие, которые питали люди к тем, кто вступал в союз с темными силами. Со временем установилась степень наказания за то или иное проявление колдовства, хотя следует заметить, что подобная деятельность рассматривалась светскими властями скорее как досадное неудобство, чем преступление; только в тех случаях, когда магия становилась причиной гибели людей или разрушений, она была наказуема смертной казнью, и вплоть до конца XIII столетия колдовство связывалось в сознании людей с народным фольклором и языческими пред-
рассудками.

Только в первом десятилетии XIV века в дело вмешалась церковь, и в Европе начала разворачиваться кампания, направленная на преследование ведьм. Церковный собор, собравшийся в 1310 г. в Трире, наложил запрет на гадание, ворожбу, заклинания и подобные действия, а позже нарушение запрета стало караться отлучением от церкви. Во времена господства церкви во всех сферах общественной жизни, когда ад воспринимался людьми как реальное место, а приверженность вере – как единственный путь спасения от адского огня, подобное наказание становилось делом нешуточным. С усилением власти церкви соответственно росло ее влияние на общественные институты, и со временем под ее давлением были введены законы, вменявшие в обязанность светским властям карать колдовство. В 1257 г. папа Александр IV разрешил преследование за колдовство, но только

в тех случаях, когда колдовство проистекало из ереси. То же подтвердил в 1333 г. папа Иоанн XXII, но в 1484 г. папская булла Иннокентия VIII разрешила инквизиции карать колдунов и ведьм смертной казнью. Три года спустя главные инквизиторы Иннокентия VIII Шпренгер и Инститорис опубликовали первое издание своей печально знаменитой книги «Молот ведьм» («Malleus Maleficarum»), в которой впервые сформулировали процедуру охоты на ведьм, суда над ними и их казни. За этой книгой последовали другие трактаты на ту же тему по мере того, как ведьмомания расползлась по Европе. Теперь инквизиция расширила поле своей деятельности и взялась рьяно искоренять не только еретиков, но и колдунов и ведьм.

В 1532 г. император Карл V лично руководил охотой на ведьм во всей Священной Римской Империи, а в 1585 г. булла папы Сикста V официально определила колдовство и все его формы: такие как гадание, астрология, заклинания, вызывание духов и т. д., которые стали наказуемы смертной казнью в тех случаях, когда колдовские действия несли определенный вред; колдунов и ведьм стали сжигать живьем на кострах. В Германии для облегчения опознания ведьм были составлены списки признаков, присущих, как считалось, слугам дьявола, в которых среди прочего значились такие, как затуманенный взор, рыжие волосы, несоблюдение церковных праздников и избегание мужчин. В добавление к этому подозреваемый подвергался мучительным испытаниям,

таким как укалывание или испытание водой.

Английский писатель Вильям Перкинс приводит в своей книге «Размышления по поводу бесовского искусства колдовства» (1608) список «определенных знаков и условий, при наличии коих подозреваемый признается виновным в колдовстве»:

1) Если люди, делящие кров с подозреваемым, доносят о том, что тот связан с нечистой силой.

2) Если на подозреваемого доносят добровольно, под пыткой или под страхом смерти ведьма или колдун, связанные с ним общими занятиями.

3) Если после произнесенного подозреваемым проклятья кто-то умирает или случается несчастье.

4) Если ругань и угрозы со стороны подозреваемого несут беды и несчастья тем, кого он невзлюбил.

5) Если подозреваемый или подозреваемая являются сыном или дочерью, слугой или служанкой, близким другом или подругой, соседом или соседкой уже известного и осужденного колдуна.

6) Если на теле подозреваемого найдены сатанинские знаки (см. «Укалывание»).

7) Если на допросе подозреваемый путается в показаниях и противоречит сам себе.

В 1597 г. король Шотландии Яков VI (впоследствии Яков I Английский), сам будучи одержим почти параноидальным страхом перед колдовством, издал свою «Демонологию»,

чем внес личный вклад в уже существовавшее великое множество пособий по практической охоте на ведьм и колдунов. В этой книге Яков определяет «Божественный метод узнавания ведьм и колдунов»:

«Пугающее множество в это время и в этой стране мерзких слуг дьявола, ведьм, колдунов, гадалок и прорицателей подвинуло меня, любезный читатель, к написанию этого трактата, и уверяю тебя, что взял я на себя сей труд вовсе не для того, чтобы похвастаться своей ученостью и добродетелью, а единственно для того, чтобы утвердить сомневающиеся сердца в вере в происки дьявола и в необходимости сурового наказания его слуг. Сей трактат имеет целью опровергнуть мнение двух, достойных всяческого порицания, ученых мужей, один из которых, англичанин по имени Скотт, не постыдился опубликовать книгу, в которой отрицает существование колдовства, повторяя тем самым древнюю ошибку Саддукеев, не веривших в существование духов; другой же, немецкий врачеватель по имени Вейрус, всенародно вступился за весь этот бесовский сброд, отстаивая их право безнаказанно предаваться своим колдовским занятиям и сим выявил себя самого, как приспешника Вельзевула, исповедующего ту же веру, как и те, кого он защищает. Ведьм и колдунов следует предавать смерти в соответствии с законами, данными нам Богом, и в соответствии со светскими законами всех христианских народов. Пощада тех, кого Бог приказывает карать как гнусных отступников от Его слова, – не

только противозаконна, но, несомненно, есть еще больший грех для облеченных властью, чем тот, который взял на себя Саул, пощадив Агага. Для определения виновности подозреваемого в колдовстве следует подвергнуть двум испытаниям: первое заключается в том, чтобы найти на его теле сатанинские знаки и убедиться в том, что эти места нечувствительны к боли (см. «Укалывание»); другое есть испытание плаванием. Тайное убийство становится явным, как только убийца по прошествии некоторого времени после преступления дотрагивается до своей жертвы, и тело убиенного начинает источать кровь, вызывающую к небесам об отмщении; тем самым Бог указывает на того, кого следует судить за тайное убийство. Точно так же Бог указывает на тех, кто лишен благочестия и состоит в свите дьявола, ибо, будучи брошенными в воду, они остаются на плаву; тем самым Всемогущий указывает на то, что река не желает принимать в свое лоно людей, с которых сошли воды святого крещения. Не следует верить источаемым ими притворным слезам раскаяния. Бог не позволит им скрыть их чудовищные преступления перед Ним; в особенности это касается женщин, проливающих обильные слезы по любому незначительному поводу, слезы, которые не стоят им никаких усилий и которые я счел бы крокодильими».

Стоит заметить в этой связи, что Шекспир написал своего «Макбета», в котором действие разворачивается на фоне магических таинств и колдовских действий, чтобы сделать

приятное королю Якову.

Людовик из Парамо в своей книге «Возникновение и деятельность ведомства Святой Инквизиции» (*De Origine et Progressu Officii Sanctae Inquisitionis*, 1598) говорит, что в период с 1450 по 1598 гг. инквизиция сожгла на кострах по меньшей мере 30 000 человек, осужденных за колдовство. К тому времени церковь уже не могла удерживать в своих руках контроль за подавлением ереси и колдовства, поскольку истерия искоренения всех форм колдовства, подлинного или мнимого, уже овладела широкими слоями населения, творившего самосуд, и не удивительно, что вся эта кампания впоследствии получила название «великой охоты на ведьм».

В конце средних веков политическое инакомыслие подавлялось под предлогом борьбы с ересью и черной магией, но по мере заката феодализма разгул охоты на ведьм достиг своего пика, пошел на убыль и вступил в противоречие с зарождавшимся духом торгового и политического просвещения. Как справедливо заметил Роббинс («Энциклопедия колдовства и демонологии»), «коммерсант не потерпит такого порядка вещей, при котором торговые соглашения разрываются при малейшем намеке на ересь одной из сторон». Он же приводит годы, в которые свершилась последняя казнь по обвинению в колдовстве в той или иной стране:

Нидерланды – 1610, Англия – 1684, Америка – 1692, Шотландия – 1727, Франция – 1745, Германия – 1775, Швейцария – 1782, Польша – 1793, Италия – 1791.

Но есть свидетельства того, что в Англии в начале XVIII столетия ведьм, тем не менее, все еще продолжали предавать смертной казни. Вот отчет о печальной судьбе некой Эми Таунсенд:

«Нам сообщили из Сент-Олбанса, что в графстве Хертфордшир, как некая Эми Таунсенд, на свое несчастье известная в городе колдунья, зашла десять дней назад в мастерскую часовщика и спросила цену часов. Ученик часовщика грубо ответил, что ей не может быть никакого дела до их цены, потому что часы стоят 40 шиллингов, больше, чем ее жизнь. Свидетели рассказали, как разозленная женщина только ткнула пальцем в сторону грубияна и отправилась во-свояси. Однако после ее ухода ученика обуял ужас, ибо он вспомнил о ее репутации ведьмы и на следующий день слег в постель, не переставая обвинять Эми Таунсенд в том, что та навела на него порчу. Дальше – больше. Парень принялся утверждать, что умрет, если не пустит ей кровь. Несчастную женщину силком приволокли в дом ученика, который при ее появлении вскочил с кровати и впился ногтями в ее лицо. При появлении крови ученик тут же выздоровел, а старуху выгнали взащей залечивать раны. По городу поползли слухи о том, что Эми Таунсенд околдовала ученика часовых дел мастера, и было решено наказать ее по заслугам. Колдунью приволокли к реке, протекающей за городскими стенами, привязали к ногам веревки, бросили в воду и принялись волочить от одного берега к другому. Старуха захлебнулась

бы, не окажись поблизости нескольких более просвещенных горожан, которые отбили ее и отвели домой. Некоторые присутствовавшие при испытании водой утверждали, что Эми никак не желала тонуть и все время держалась на плаву, из чего следовало, что она ведьма. Разъяренные горожане вытащили больную старуху из постели и отвели к судье, чтобы подвергнуть новому испытанию. Дабы утихомирить страсти, судья поместил ее в камеру, находившуюся в подвале здания суда, где через два часа Эми Таунсенд и умерла. По последним сообщениям из Хертфордшира, перед судом графства предстанут несколько человек, принимавших участие в испытании водой Эми Таунсенд, повлекшем за собой ее смерть».

Пытка, в той или иной форме, всегда была важным подспорьем в деле обнаружения ведьм. Чтобы передать их законному суду, прежде нужно было добиться от обвиняемых признания своей вины, что достигалось при помощи мучительных для испытуемых истязаний, таких как погружение в воду (испытание водой) или укалывание. Учитывая то, что большинство этих несчастных женщин (хотя были и мужчины, и даже дети) не чувствовали за собой никакой вины и не желали признаваться в несовершенных преступлениях, чтобы избежать сожжения на костре, без принуждения здесь явно не обходилось.

Представьте себе слабую женщину со всеми болезнями,

присущими ее возрасту, которую выводят на середину комнаты в ее же собственном доме, в окружении сброда, слетевшегося со всей округи, чтобы поглазеть на занятное зрелище; ее сажают на пол, скрещивают и связывают ей ноги таким образом, что весь вес ее тела приходится на седалище. После нескольких часов пребывания в этой позе прекращается кровоснабжение, и процедура превращается в болезненную пытку, сравнимую разве что с сидением на деревянной лошадке. Истязание длится 24 часа, в течение которых несчастная не ест, не пьет и не спит. Не удивительно, что после подобной пытки она не только признается во вменяемых ей в вину преступлениях, но и наговаривает на себя много лишнего.

(«Эссе о колдовстве», Фрэнсис Хатчинсон, 1718)

Помимо этого пытка применялась для того, чтобы заставить подозреваемого в колдовстве назвать своих сообщников, и несомненно то, что пострадало множество невинных людей, чьи имена палачам удалось вытянуть из своих жертв. Создавалось впечатление, что процесс обнаружения все новых ведьм нескончаем; очень существенное соображение, учитывая тот факт, что работа инквизиторов и охотников на ведьм оплачивалась соответственно количеству выявленных ими слуг дьявола.

Ниже приводится признание вины и обвинительное свидетельство некой Джоан Уиллфорд из Фиверсхэма в графстве Кент в сентябре 1645 г.

Она призналась в том, что дьявол явился к ней в обличии маленькой собачки и повелел ей отвратить ее сердце от Бога и обратиться к нему. Что она, хотя с большой неохотой, и сделала. Она призналась дьяволу в том, что хотела бы отомстить Томасу Лезерлэнду и его жене Мэри, и тот пообещал ей свою помощь во всем и даже взялся снабжать ее деньгами, принося иногда монету в восемь пенсов, а иногда шиллинг. Она назвала своего дьявола Банни, а некоторое время спустя этот самый Банни вытолкнул из окна Томаса Гардлера, который, к счастью, упал в навозную жижу. Как призналась обвиняемая, прошло уже 20 лет с тех пор, как она отдала душу дьяволу и показала, что ее сообщницами в колдовских делах были Джейн Холт, Элизабет Хэррис и Джоан Арголл. Затем она добавила, что Банни рассказывал ей о том, что Элизабет Хэррис накликала пагубу на лодку Джона Уофкотта, и та затонула, а любезная Джоан Арголл наслала проклятья на головы мистера Мейджера и Джона Мэннингтона, пожелав последнему смерти, после чего тот вскоре скоропостижно скончался. Этот дьявол являлся к ней в обличии мыши несколько раз с тех пор, как ее посадили в тюрьму.

Хотя Америка, как и Англия, находилась в стороне от чудовищных жестокостей, чинимых инквизицией в странах континентальной Европы, вызывает интерес тот факт, что один феномен, наиболее живо иллюстрирующий разгул ведьмомании, прочно закрепился в сознании последующих поколений как чисто американский. Это – процессы над са-

лемскими ведьмами. Новая Англия, в частности Массачусетс, стала основным местом высадки английских переселенцев-пуритан в 30–40 годах XVII века. В последовавшие годы в результате сложившихся социально-политических условий жители малых городов замкнулись в своих мирках и семьях. Параноидальное недоверие друг к другу разрасталось подобно раковой опухоли, и, как описывает это время один современник, «сосед следил за соседом; нормальное общение уступило место сплетням, домыслам и наветам, а твердая вера – темному суеверию». В 1692 г. пороховая бочка взорвалась, и всеобщая озлобленность вылилась в ужасы, каковыми стали судебные процессы над салемскими ведьмами. В результате охватившей Новую Англию истерии по доносам соседей и сослуживцев были арестованы и преданы суду сотни ни в чем не повинных людей. В период с 10 июня по 22 сентября 19 человек (13 из них были женщинами) окончили свою жизнь на виселице. Первой жертвой охоты на ведьм стала Бриджит Бишоп. Решение суда о предании ее смертной казни через повешение гласило:

«Джорджу Корвину, джентльмену, главному шерифу графства Эссекс. Бриджит Бишоп, в девичестве Оливер, жена пильщика леса Эдварда Бишопа из Салема, что в графстве Эссекс, предстала перед особым судом, возглавляемым Вильямом Стаутоном, эсквайром, имевшим место в Салеме во второй день текущего месяца июня. Названной колду-

нье вменяется в вину то, что 19 апреля сего года, а также в дни предшествующие и дни последующие, она совершала магические действия над телами Абигаль Вильямз, Энн Патнэм-младшей, Мерси Льюис, Мэри Уолкотт и Элизабет Хаббард, незамужних женщин из города Салема; причем их тела подверглись истязаниям с нанесением ран и ушибов и после чего названные женщины начали болеть и чахнуть. Подобные действия не согласуются с ныне действующими законами и подлежат пресечению.

Названная Бриджит Бишоп отказалась признать себя виновной и отдала себя на милость Бога и правосудия. Она была приговорена к смертной казни через повешение, как того требует закон. Приговор ждет, дабы быть приведенным в исполнение.

Сим обязываю Вас именем их Величеств короля и королевы Англии и прочее Вильяма и Марии в следующую пятницу, имеющую быть десятым днем текущего месяца июня, между восемью и двенадцатью часами пополудни препроводить названную Бриджит Бишоп, она же Оливер, из тюрьмы их Величеств в Салеме к месту казни и повесить ее за шею до полного испускания духа. Об исполнении незамедлительно доложить секретарю названного суда.

Сей документ является гарантом Ваших полномочий.

Дан за моей собственноручной подписью с приложением печати в Бостоне восьмого дня месяца июня в четвертый год правления наших повелителей Вильяма и Марии, ныне Ко-

роля и королевы Англии и прочее, в лето от Рождества Христова 1692-е.

Вильям Стаутон».

Когда истерия пошла на убыль и выявилась невиновность осужденных за колдовство, было опубликовано так называемое «признание ошибок», подписанное присяжными заседателями салемских процессов и датированное четырьмя годами позже описанных событий, 14 января 1696 г.

«Мы, нижеподписавшиеся, будучи призваны в году 1692 состоять в жюри суда города Салема, участвовали в судебных разбирательствах по делу многих, коим вменялось в вину совершение колдовских действий и глумление над телами своих сограждан.

Мы признаем, что были не в состоянии понять происки Князя Тьмы и воспротивиться его козням; мы, исходя из собственного мнения и сведений, предоставленных свидетелями, осудили многих людей на основании, которое при более зрелом размышлении и при наличии дополнительных сведений кажется нам недостаточным, чтобы посягать на чью-либо жизнь (Второзаконие, XVII, 6).

Посему мы осознаем, что по незнанию и невольно стали, как и другие, орудием в руках темных сил и пролили невинную кровь, взяв на душу грех, который наш Господь называет в Святом Писании непрощительным (2 Книга Царств,

XXIV, 4).

Сим посланием мы выражаем всем и особо уцелевшим мученикам наше искреннее осознание своей вины и глубокую скорбь по поводу совершенных нами ошибок, повлекших осуждение на смерть невинных. Мы заявляем, что, как это ни прискорбно, мы позволили ввести себя в заблуждение, о чем не перестаем сокрушаться. Смиренно мы просим прощения за наши ошибки у Бога и молимся, чтобы Он не наказал ни нас, ни других за свершенное. Мы молимся, чтобы нас простили уцелевшие мученики, чтобы они поверили в то, что мы действовали в силу доселе невиданного всеобщего заблуждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.